

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

«Сигизмунд Малатеста, тиран
и захватчик,
На Флоренцию движется!
Мы пропадём!» —
Говоря это, бледный
вельможа-докладчик
Мелко тряся, и пот с него
лился дождём.

Флорентийский правитель
взглянул нелюдимо
И ответил, прижав к переносице
лёд:
«Весть тревожна, опасность
серьёзна и зрима,
Но у нас есть Джанноццо
Манетти. Спасёт».

Наступает день битвы.
Властителя свита
За почти безнадёжный цепляется
шанс:
Гуманиста, философа и эрудита
Отправляют спасти золотой
Ренессанс.

И пошёл он, отлитый из бронзы
и воска.
Поле. Полдень морящий.
На поле враги.
И с одной стороны —
полководец и войско,
А с другой — безоружные
чудо-мозги.

Кто-то любит пиры, кто-то
ценит спагетти —
Для Джанноццо наука важнее,
чем хлеб.
«Добрый день, — обратился
к тирану Манетти, —
Вы читали работу Платона
«Филеб»?»

Сигизмунд, заморгав, посмотрел
очумело
На того, кто посмел о подобном
спросить.
Что за бред? Надо либо
сражаться умело,
Либо плакать, валяться в ногах,
голосить!

В мире войн обитают насилье
и честь,
Победители, жертвы,
продажные шкуры...
А вот с этим созданием
из мира культуры —
С ним-то как разобраться?
Платона прочесть?!

И когда эрудит в парадигмы
нырнул,
Всей Европы кошмар Сигизмунд
Малатеста
То ли в ужасе, то ли из чувства
протеста
Расхотел нападать и войска
повернул.

...Как же хочется жить
возрожденчески бурно,
Грандиозно! Впадая в инсайт,
а не в транс.
Чтоб в сердцах, но без зла.
Напролом, но культурно.
Мы научимся, люди.
Вперёд, в Ренессанс!

МОНОЛОГ ПРИЕЗЖЕГО

Перекрёсток, как крахмальный
ворот,
Тесен и горяч. Почти полдня
Незнакомый миловидный город
Терпеливо смотрит на меня.

Вымазавшись солнцем
и извёсткой,
Утопив щербатые углы
В зелени взъерошенной
и хлёсткой,
Азиатский, словно Кёр-оглы,

Он за мной следит,
но не изучит.
Я непроницаем для молвы
И вхожу в когорту невезучих,
Оттого счастливее, чем вы.

Ветхий дом приподнимает
вежды,
Оглушённый глиняным свистком,
И дикорастущие надежды
Рассекают камень лепестком.

Трогательно пыльный,
бестолковый,
Весь из луж, ухабов и репья,
Этот город снял с меня оковы
И очистил память от тряпья.

Щурясь в небеса, легко шагая,
Так я шлялся лентами аллея,

Непокорный трудоголик,
Восхитительно живой,
Ты по-прежнему смеёшься:
«Генри Пёрселл, что ж
ты вьёшься
Над моею головой?»

А хозяин, ввысь глядящий,
Сжав очки в худой руке, —
Будто спаниель скорбящий
На коротком поводке.
Хоть они и антиподы,
Оба — чудеса природы,
Оба — в дальнем далеке...

В них — единство корневое
И контраст случайных черт.
Ночь. Чаи гоняют двое
Под классический концерт:
Триумфально златоглавый —
И застенчиво-чернявый,
Экстраверт и интроверт.

И вдвоём едят варенье
Эти скромные цари,
Чьих-то разумов прозреньё,
Чьих-то душ поводыри;
И никто из них не хуже:
Первый светится снаружи,
У второго свет внутри.

К ВОПРОСУ О МУЖЧИНАХ

В связи с почти любой причиной,
Кто сдержанно, кто
с матерком, —
Все говорят: «Будь мужиком!»;
Никто не скажет:
«Будь женщиной».

Да, массаж нравится бруталь!
Он мощен, крут, он не устал,

На нём чумазая дерюга,
Он импульсивная зверюга.

Но если в роли мужика
Ты проявляешься неслабо,
Расплата будет велика:
Тебе достанется (дика
И оглоушена слегка),
Увы, не женщина, а баба...

Прошу за то меня простить,
Что мысль моя несовременна,
Но я хочу её ввинтить,
Впихнуть, втемяшить, вколотить:
Мужчина может защитить,
Всё прочее — второстепенно.

БАСНЯ «РОМАНТИК И ИГРА»

Романтику лопату дали в руки
И мрачно пояснили, где копать.
Привыкнув петь о чувствах
и разлуке,
Блистательно на сцене
выступать,
Он первым делом лентами
украсил
Унылое орудие труда,
При этом поминая иногда
То Рагнарёк, то дерево
Иггдрасиль.
Под грозное звучание «Фортуны»
К лопате он затем приладил
струны
И клавиши. И шариков штук
пять.
Потом принялся с нею
танцевать...
(Но прежде повязал на грабли
бантик).
...Прораб был изумлён,
смущён и рад,

Он не любил грязно,
шипенье, вой
И глупые звериные игрушки,
Он самым первым не бежал
к кормушке,
Зато умел внушать.
В ту полночь Дверь качнулась,
Легонько скрипнула и настезь
распахнулась.

Дверей, что заперты навечно,
не бывает:
Позднее, раньше ли —
судьба их открывает
Для тех, кто вёл себя,
как этот Зверь.
Читатель, сомневаешься?
Проверь!

БАСНЯ «ТОРЕАДОР И ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА»

Один Торeadор был также
и певцом
С прекраснейшим,
но переменчивым Лицом:
Оно за час пять тысяч раз
меняло Выражение,
Чем доводило зрителей
до головокружения.
Взглянув случайно в Зеркало
в ночи,

Сказал он: «Да... Хоть караул
кричи.
Любезное Лицо, ты что творишь?
Не уследить мне за тобою! Ишь,
Какое многогранное сыскалось!»
Лицо, безмолвствуя,
по-прежнему менялось,
Но Зеркало в ответ произнесло:
— Искусство — это Вам
не ремесло.
Как часто говорят в углу
голытьбе:
«Будь проще — и толпа
потянется к тебе!»
А те, кто не толпа?!
Те распахнут объятия
Такому, кто весьма непрост
для восприятия.
И если Выражение Лица
Мерцает, словно камень
из ларца, —
Воспринимайте этот факт
как Дар,
А не по репутации удар.

Не только в женщине загадка
быть должна.
Артиста суть до ужаса сложна,
Он не лопух... Он микрокосм,
ангелочёрт,
Шарада, Ребус, Теорема
и Кроссворд!

